

Цзян Шэнлинь слегка вздрогнул и тоже на мгновение затаил дыхание, прислушиваясь.

— ...Сколько?

— Тридцать или сорок, — ответил Ли Суй.

Цзян Шэнлинь с облегчением вздохнул:

— Тридцать-сорок — не такая уж большая беда. Раз они пока не собираются нападать, давай сделаем так: ты сперва покажешь Сяо Иню приемы кулачного боя, а я потом поскорее уведу его из этих гор.

Ли Суй посмотрел ему прямо в глаза:

— У них самострелы.

— Самостре... — едва до Цзян Шэнлиня дошел смысл этих слов, у него душа ушла в пятки. Он резко развернулся, собираясь защитить Чжу Яньиня, но со склона горы уже сорвался сверкающий серебром ливень стрел, пронзая воздух. Чжу Яньинь сидел спиной к горе и не понимал, что происходит — впрочем, даже сиди он лицом к ней, среагировать все равно бы не успел. Увидев, как перепуганный до смерти Цзян Шэнлинь бросился к нему, Чжу Яньинь опешил. Но стоило ему попытаться подняться с валуна, как сверху нахлынула черная тень.

— Ах!

Ли Суй одной рукой подхватил его в охапку и мгновенно отпрянул от валуна. Другой рукой он на лету выхватил меч из ножен. Раздался непрерывный металлический звон. Случись это ночью, искры от столкновения клинков со стрелами рассыпались бы по небу ярким фейерверком.

Чжу Яньинь, застигнутый врасплох, никак не мог взять в толк, что творится. Лишь по тому, как перекосилось от ужаса лицо... точнее сказать, лекарский лик бегущего к нему Божественного целителя Цзян, он смутно догадался, что они, должно быть, снова попали в засаду, и у него тут же подкосились ноги.

Впрочем, это ни на что не влияло, поскольку сейчас его несли — он безвольно висел на плече Владыки дворца Ли, и перебирать собственными ногами ему не приходилось.

Враги успели сделать лишь два залпа из самострелов, как перед ними уже блеснул Меч Сянцзюнь. Не успевая перезарядить свое оружие, нападавшие бросили самострелы и повыхватывали мечи для защиты.

Ли Суй слишком хорошо помнил, как Чжу Яньиня вывернуло в Ущелье Хусяо. Поэтому, прежде чем вступить в бой, он взглянул на ношу в своих руках и холодно скомандовал:

— Чего ждешь? Быстро закрой глаза!

Чжу Яньинь все еще пребывал в оцепенении от мысли «вокруг убийцы, мне конец, я сейчас умру», в голове у него было пусто, а зубы мелко стучали.

— А? — выдавил он.

Приземлившись на ровное место, Ли Суй потратил несколько драгоценных мгновений боя на воспитательную работу:

— Глаза закрой.

— О, — пискнул Чжу Яньинь и, онемев от страха, послушно протянул руки и закрыл ими глаза Ли Сую.

Погрузившийся во тьму Владыка дворца Ли:

«...»

У самого уха со свистом пронесся ветер.

Ли Суй уклонился, рванув всем телом в сторону. Он прижал голову Чжу Яньиня к своему плечу и взмахнул Мечом Сянцзюнь. Черное лезвие испустило едва заметный на солнце отблеск. Движение было неуловимо быстрым, и в то же мгновение клинок уже коснулся шеи нападавшего.

Подумав секунду, Ли Суй перехватил меч и рукоятью размоzzжил противнику череп.

Устроившие засаду тридцать-сорок человек на самом деле были опытными мастерами и шли на дело с готовностью умереть. Однако перед Ли Суем они оказались беспомощнее муравьев. Тяжелая тупая рукоять меча, подкреплённая сокрушительной внутренней силой, разила подобно молоту, мгновенно разрушая мозг. Они даже охнуть не успели, как расстались с жизнью.

Они гибли мгновенно и бескровно — никакой фонтанирующей крови, способной до тошноты напугать изнеженного книжника.

Цзян Шэнлинь стоял у ручья и, задрав голову, наблюдал за происходящим. Не прошло и пяти минут, как с покушением было покончено. Лишь безжизненные тела незадачливых убийц скатывались на дно ущелья.

Ли Суй с Чжу Яньинем на руках твердо приземлился на землю.

Цзян Шэнлинь подбежал к ним:

— Все мертвы? Почему ты не оставил хоть одного в живых?

Ли Суй вернул меч в ножны:

— Ни к чему. Я и так знаю, кто их подослал.

Цзян Шэнлинь не унимался:

— Кто?

Ли Суй проигнорировал вопрос. Перехватив Чжу Яньиня левой рукой, он нахмурился:

— Опять тошнит?

Богатый молодой господин из Цзяннани смертельно побледнел и едва держался на ногах.

Цзян Шэнлинь поспешно поддержал юношу и с упреком бросил Ли Сую:

— Раз уж взялся за меч, мог бы сначала вернуть Сяо Иня мне!

В самом деле, зачем было таскать его с собой по воздуху и заставлять присутствовать при этом от начала до конца?

Владыка дворца Ли проявил крайнюю безответственность:

— Лень было лишний раз спускаться.

Цзян Шэнлинь лишился дара речи от такого ответа.

— Тебе что, снова горькой желчи захотелось?

Ли Суй разозлился:

— Я закрыл ему глаза, размозжил им головы рукоятью меча, так что и капли крови не пролилось! И этого мало?!

Чжу Яньинь стал блее мела.

О, значит, размозжил головы...

Цзян Шэнлинь запряг повозку и повез перепуганного Второго молодого господина Чжу обратно в усадьбу.

Ли Суй же в одиночку отправился в Зал Тяньчжу.

Пань Шихоу, закатав рукава, увлеченно подстригал во дворе сосну в горшке, сформированную в виде пагоды. Вид у него был на редкость расслабленный и безмятежный. Пышные молодые веточки росли ровно, и лишь одна косо выдавалась в сторону. Притаив дыхание, он нацелил на нее ножницы, как вдруг позади него кто-то возник. От неожиданности рука Пань Шихоу дрогнула. Раздался резкий щелчок, и вся ветка срезалась под корень.

«...»

Пань Шихоу гневно обернулся, явно собираясь отрубить нерадивого слугу. Но, увидев Ли Суя, тут же сменил гнев на милость и заискивающе улыбнулся:

— Племянник? Какими судьбами? Разве ты не собирался в Долину Сюцю — полюбоваться пейзажами да развеяться?

— В Долине Сюцю меня ждала засада из сорока убийц, — ровным голосом произнес Ли Суй. — Теперь все они мертвы.

Пань Шихоу пришел в крайнее изумление:

— Откуда там взяться убийцам?! Неужели те же, что напали в Ущелье Хусяо? Кто за этим стоит — Усадьба Шанжу или Храм Фэньхо? Ты оставил кого-нибудь в живых?

В голосе Ли Суя сквозил ледяной холод:

— В этом нет нужды.

Пань Шихоу в растерянности спросил:

— Как это — нет нужды? Они сами признались, чьи они подданные, или ты уже что-то

разузнал?

Ли Суй уставился на него в упор:

— О том, что я сегодня собирался в Долину Сюцю, знало от силы человек пять.

Пань Шихоу сперва нахмурился, а когда до него дошел намек, опешил и торопливо заговорил:

— Неужели ты подозреваешь меня, племянник? Наш Зал Тяньчжу всегда действовал честно и открыто, мы ступаем с крайней осторожностью, боясь совершить хоть малейшую ошибку. К тому же я прекрасно знаю, насколько невероятно твое мастерство. Стал бы я отправлять жалких сорок человек на верную смерть ради покушения на тебя?

Ли Суй перебил его:

— А где твой сын?

— Это... — лицо Пань Шихоу побледнело. — Цзиньхуа ушел еще спозаранку... Нет, не может быть! Я с детства учил его брать с тебя пример. Как он мог совершить подобную глупость? Это абсолютно исключено.

Через несколько минут слуги привели Пань Цзиньхуа из чайной. Войдя в главный зал и заметив Ли Суя, он невольно отвел взгляд в сторону.

Пань Шихоу поспешил спросить:

— Где ты был?

— В чайной «Басянь», — ответил Пань Цзиньхуа. — Договорился встретиться с друзьями, мы смотрели представление и слушали сказителя. Новая труппа поет весьма недурно. Если бабушке дома станет скучно, можно будет...

Договорить он не успел — холодное лезвие меча опустилось ему на плечо.

— Племянник! — вскрикнул Пань Шихоу изменившимся от ужаса голосом и схватил Ли Суя за руку. — Племянник, не гневайся! Возможно, Цзиньхуа и впрямь просто слушал оперу. Дай мне сначала во всем разобраться.

Пань Цзиньхуа стоял замерев, не смея пошевелить шеей. Сжав зубы, он спросил:

— Что ты творишь?

Ли Суй холодно произнес:

— Сговор с Демоническим культом карается смертью.

При упоминании Демонического культа в глазах Пань Цзиньхуа мелькнула паника, однако он упрямо заявил:

— Не смей клеветать на меня! С какой стати мне связываться с Демоническим культом?

Пань Шихоу, вцепившись в руку Ли Суя, тоже затараторил:

— Да, верно! Пусть Цзиньхуа и непутевый, но он все же способен отличить добро от зла. Прошу

тебя, племянник, не совершай глупостей!

— Виновен ты или нет — сам прекрасно знаешь, — тон Ли Суя был столь же холодным, как и его клинок. — Я не намерен слушать пустую болтовню. Так что либо признавайся, либо умри.

— Племянник! — Пань Шихоу едва держался на ногах, его трясло как в лихорадке.

— Я ничего не делал! — сквозь зубы процедил Пань Цзиньхуа.

Ли Суй слегка повел клинком, и на шее юноши проступила алая полоса. Но не успела кровь хлынуть наружу, как ее остановил исходящий от Меча Сянцзюнь холод. У Пань Цзиньхуа застучали зубы, шею сковало ледяным панцирем, а голова онемела.

Пань Шихоу с тихим стоном сполз на пол — по его виду казалось, что он решил, будто его сын уже мертв.

Пань Цзиньхуа попытался сглотнуть слюну, но понял, что его онемевший язык перестал подчиняться. По сосудам словно побежали тысячи ледяных игл, принося невыносимую боль и всепоглощающий ужас. Он в панике уставился на Ли Суя. В эту секунду он ни капли не сомневался: не признайся он прямо сейчас, этот человек хладнокровно перережет ему горло.

— Д-да... — собрав последние силы, выдавил он невнятное признание. — Это... я.

Ли Суй вернул меч в ножны. Пань Цзиньхуа бессильно откинулся на спинку стула, судорожно хватая ртом воздух и сжимая руками ледяную шею.

<http://bllate.org/book/18290/1754059>